

АЛИНА
ЗНАМЕНСКАЯ

A decorative flourish consisting of a large, elegant loop that starts under the letter 'Я', goes down and to the left, then loops back up and to the right, ending under the letter 'А'.

АЛИНА ЗНАМЕНСКАЯ

Человек на коне
СТРАШНЫЕ
СНЫ

Рябиновый мед. Августина

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-72

Знаменская, Алина.

3-72 Человек на коне. Страшные сны. Рябиновый мед. Августина : [роман] / Алина Знаменская. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 384 с.

ISBN 978-5-17-136536-3

Казалось, детство никогда не закончится... Его маленькие беды и горести не станут смешными в глазах зрелой женщины... Но увы! Как всадник на белом коне из красивого сказочного принца превратился в реального земного мужчину, так и Августина стала взрослой. А начало двадцатого века, полное бурными событиями, вытеснило мелкие житейские неприятности и разрушило мечты.

Но хоть что-то осталось?! Что-то остается неизменным, как клин журавлей, разрезающий небесную синь?

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-136536-3 © А. Знаменская
© ООО «Издательство АСТ», 2021

ЧЕЛОВЕК НА КОНЕ

*...А я один стою меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других...*

Максимилиан Волошин

Доктор Потехин поставил чайник на керосинку, вернулся к столу и продолжил прерванное занятие. Он писал своему давнишнему приятелю, с которым подружился еще в студентах, вел переписку всегда, живо описывая интересные медицинские случаи из практики, и просто делился животрепещущим. Сегодня доктор был особенно взволнован, и от этого строчки выходили неровными, а буквы острыми и стремительными.

*Чем ближе конец, а он, уверяю тебя, близок, тем сильнее напряжение. Порою так и бросился бы в водоворот борьбы Колчака с большевиками! Так все надое-
ло. Особенно с утра и до вечера думать о жратве. Люди начинают с ума сходить от этой вакханалии. Это же надо: за фунт творога — 100 рублей! Мясо — 40 рублей. Мануфактура — 500! Туфли дамские — 1000—1500. Разве хватит денег даже малосемейным? Мне же с моими женищинами — и говорить не приходится. Так дальше продолжаться не может. Я уверен, скоро на помощь Колчаку придет само население.*

Доктор встал из-за стола, потер руки. Подошел к окну, назидательно взглянул, словно кому-то невидимому собирался внушить весьма важную мысль, взял с блюдца кусочек жмыха, положил за щеку и вернулся к письму:

Меня интересует теперь, дорогой мой Пано, кто из нас — вы или мы — скорее уйдет из-под власти большевиков? Ведь у вас там скоро должны разыгаться события. Польские легионы, подкрепленные немцами, вот-вот начнут наступление и прогонят красных. Около Питера тоже зашевелиятся.

А Колчак идет не останавливаясь. К тому моменту, когда получите письмо, Вятка, Казань, Самара, наверное, уже будут взяты. А там — на Москву! Говорят, что к Петрову дню Колчака ждут в Москве.

Поставив подпись, доктор задумался, потом окунул перо в чернила и сделал приписку:

P.S. Сейчас узнал интересную и в то же время кошмарную вещь: бутылка спирта стоит 1600 рублей! А сколько мы их с тобой когда-то выпили?

Запечатав письмо, доктор решил немедленно лично отнести его на почту, а заодно и прогуляться. Он сделал приличный крюк, дойдя до Троицкой церкви, ансамбль которой обычно услаждал его эстетическое чувство, сверил собственные часы с часами на колокольне и собирался уже отправиться дальше, когда увидел, что у дома отца Федора стоит груженная скарбом телега и ребяташки дьякона выносят на улицу клетки с птицами. Потехин подошел, поздоровался. Супруга дьякона, матушка Галина — маленькая улыб-

чивая женщина, держала на руках младшего, трехгодовалого ребенка.

— Неужто покидаете нас? — удивился доктор. Старший сын отца Федора, Дмитрий, выносил и укладывал на телегу вещи.

— Уезжаем, — кивнула женщина. — Батюшке предложили храм принять в Закобякине, дом просторный выделили, вот и уезжаем. А Митя остается, не хочет с нами ехать. Большой...

Отец Федор что-то наставительно внушал «большому», а младшие тащили клетки с птицами куда-то в сторону берега.

— Как же это вы так решились? — обратился Потехин к дякону. — Нам будет вас недоставать...

— Тяжело, Семен Николаевич, стало при таком семействе большом кормиться-то. Все ж в селе-то, думаю, полегче будет. Село-то зажиточное, авось не пропадем.

— А я так думаю, причина-то в другом, батюшка... — проговорил доктор тем тоном, каким обычно говорил с пациентами. — Притесняют, наверное, нынешние? Церковь-то теперь вне закона оказалась?

— Не без этого, — уклончиво ответил отец Федор, наблюдая, как дети пытаются выпустить птиц. Птахи, взлетая и паря над Учей, тут же возвращались и кружили над головами детей, ища свои клетки. — Я так себе думаю, Семен Николаич. Чтобы выжить в этой круговерти, священнику безопасней перебираться периодически с места на место. Пока присмотрятся к тебе, пока привыкнут... Подкопаться не успеют, как ты уже собрался и поменялся местом с соседом.

— Вот какая у вас, батюшка, теория интересная... — удивился доктор и задумался.

— Унеси клетки, Ариша, — крикнул дьякон дочери, — они покружат да и улетят!

— И все же, я думаю, зря вы торопитесь, батенька мой. Сдастся мне, все это скоро кончится, вернется на круги своя. Что ж торопиться-то, с насиженного местечка срываться? Все будет по-старому, помяните мое слово!

Дьякон не ответил, снова обратился к детям, а потом стал делать знаки птицам, будто те могли его понять.

— Летите, глупые, чего вы? — говорил он, взмахивал руками и показывал в сторону леса, где, вероятно, он их ловил.

Доктор догадался вдруг, что момент прощания со своими птицами для дьякона важнее, чем беседа о политике. Доктор попрощался и отправился восвояси. К дому дьякона тем временем подъехала вторая подвода, и в молодых парнях-возчиках Потехин узнал братьев Кругловых. Увидев доктора, братья сняли картузы, поздоровались.

— Что же, вы теперь извозом кормитесь? — поинтересовался доктор, вспомнив, что у Круглова отобрали чайную с постоянным двором.

— Точно так-с, — лаконично ответил старший сын Круглова.

— Ну-ну, — задумчиво проговорил доктор и направился к площади, чтобы опустить письмо в ящик.

Примерно с неделю после отправки письма доктор находился в некотором боевом, приподнятом состоянии, которое замечали все его немногочисленные подчиненные.

Доктор объявил собрание и в ожидании персонала мурлыкал себе под нос мотивчик из оперы «Жизнь за царя».

Когда все собрались, он, потирая руки, будто намереваясь объявить что-то необыкновенно приятное, многозначительно проговорил:

— Ну-с, дорогие мои... придется поработать. Объявлена мобилизация на борьбу с Колчаком. Имеются желающие выехать в село?

— Вы об этом так объявляете, Семен Николаевич, — обиженно забурчал фельдшер Оносов, — буд-то на пикник приглашаете.

— Я покамест действительно приглашаю, а там вынужден буду назначать! Вот, полюбуйте-ся, официальная бумага пришла, в которой черным по белому сказано, что наша больница должна обеспечить медицинский осмотр мобилизуемых в селе Закобякино. Возражения имеются?

— Кому же захочется в деревню-то из дома срываться? Ясно, к чему вы клоните, Семен Николаевич. У Вознесенской ребенок малый, Лобко по преклонности лет не может ехать... Кому остается?

— Нам с вами, милейший! — почти весело закончил доктор. — Да вы не переживайте, это ненадолго. За неделю, думаю, управимся. Ну максимум две. Сметанки закобякинской поедем...

— Как же! Так и разбежались тамошние куркули нам с вами сметанки... Да и беспокоило нынче в деревнях-то. Банды по лесам прячутся, по ночам набег делают. Вот недавно...

— Какой вы, однако, бука, господин Оносов! Веселее надо глядеть, батенька мой, веселее!

Доктор остался доволен собранием и вечером домой шел, все так же многозначительно вглядываясь в окружающий пейзаж, словно бы и в нем желая отыскать подтверждения своим мыслям.

На другое утро Ася, как обычно, пришла на работу и, едва переступив порог, почувствовала неясную вибрирующую тревогу, витающую в больнице.

— Семена Николаевича арестовали! — объявил бледный взволнованный фельдшер, когда коллеги собрались в ординаторской. — Ночью пришли двое вооруженных людей, все перевернули вверх дном и... увели нашего доктора... в неизвестном направлении.

— Господи! — воскликнул старый врач Лобко. — Он-то кому дорогу перешел?

— Давайте, коллеги, поосторожней с комментариями, — попросил фельдшер. — Это нас всех коснуться может! Вот Семен Николаевич не стеснялся своих настроений, за то и поплатился... Но что же теперь делать с деревней? Кто поедет со мной? Не один же я, в конце концов? Мне необходима помощь, хотя бы с документацией!

— Я не поеду, — раздраженно заявил Лобко, оглаживая бородку. — Здесь тоже полно больных и опять же — та же мобилизация.

— Тогда пусть едет Вознесенская, — заявил фельдшер так, будто Аси в комнате не было.

— Надо, значит, поеду, — сказала Ася.

Ее раздражали брюзжание фельдшера, его суета, казавшаяся ей совершенно лишней. Ну в деревню так в деревню. Юлика придется оставить на Александру Павловну, которая и без того постоянно с ним. Маша поможет.

— Ничего, Асенька, ты не одна там будешь, — поддержал ее дома отец Сергей. — В Закобякине все семейство отца Федора, люди тебе не чужие, у них сможешь остановиться. А за сына не беспокойся. Матушка Саша пятерых вырастила, и все, слава Богу,

здоровы. И теперь ей ребенок как нельзя кстати. Как Владимира забрали, она места себе не находит.

С беспокойным сердцем отправлялась Ася в Закобякино — трудно оставлять ребенка. Но куда деваться? Пожалуй, послушайся, уклонись — попадешь туда же, куда увели доктора Потехина.

В закобякинском сельском совете — большой просторной избе в два этажа — фельдшеру и Асе выделили отдельную комнату для осмотра мобилизованных. Напротив сельсовета — длинный ряд лабазов. Все дома на улице добротные, с каменным первым этажом и деревянным — верхним. Резные наличники, мезонины. Не дома — терема. На площади возле бронзового памятника Александру II шел митинг. Выступал городской оратор в военной гимнастерке с портупей.

— Молодая республика в опасности! — орал он, разрубая кулаком воздух перед своим лицом. — Встанем на ее защиту, не дадим потоптать завоевания революции! Власть — Советам! Земля — крестьянам!

Кучкой стояли закобякинские мужики — крепкие, круглолицые, в жилетках и картузах с блестящими козырьками. Не крестьяне, купцы. Так и веяло от этой кучки скрытой недоброжелательной силой. Рядом толпились мужики из окрестных деревень, приехавшие на телегах, уставшие сидеть без дела на жаре. Они лужгали семечки и посмеивались над оратором. Потом кто-то не выдержал:

— Надоело воевать! Сеять некому!

— Мы той земли не видали еще!

За первой репликой посыпались еще более решительные. Мало кто из крестьян горел желанием сразиться с Колчаком.

Оратор, не вступая в дискуссию, уступил место другому военному, который не стал агитировать, а резко и деловито разъяснил порядок мобилизации.

Ася с фельдшером стояли на крыльце сельсовета и наблюдали за происходящим.

— Только мужик до дома добрался, до земли, а его хватъ за шкурку — и вновь на войну, — рассуждал Оносов. — Чует мое сердце, обернется им кровушкой сия мобилизация. Не наберут.

— Как не наберут? — возразила Ася. — Село большое, наберут...

— Большое да зажиточное. Мужики свое добро не бросят. Мало лошадей для армии позабирали, излишки конфискуют, так теперь и самих хозяев повыкурят на войну... Нет, Августина Тихоновна, что-то будет...

Вопреки прогнозам фельдшера закобякинцы в открытую протеста не проявили. Выстроились в очередь на медосмотр и, как один, стали жаловаться на различные застарелые хвори, на что фельдшер не реагировал.

Зато когда военные отправились по домам, сверяя списки, половины молодых мужиков недосчитались.

— Попрятались! — негодовал оратор в портупее. — Ну ничего, жрать захотят, приползут, переловим...

Неделю работала комиссия по мобилизации, но уклонившихся не дождалась. Отряд красноармейцев стоял в селе для соблюдения революционного порядка.

Ася ночевала в доме отца Федора. Дом, как все дома в Закобякине — высокий и просторный, стоял крайним в улице, ближе к церкви и погосту. Ася ви-

дела, как садились в машину члены комиссии — следом за мобилизованными мужиками, как бабы ругались и причитали. Наконец машина уехала, подняв за собой хвост пыли. Бабы с детьми на руках еще некоторое время стояли и галдели — обсуждали последние события.

— Полно народу от мобилизации укрывается. Где же они прячутся? — удивлялась Ася.

— По лесам, — охотно пояснил отец Федор. — Тут есть два брата Зориных, бывшие офицеры, так они в свою компанию и принимают тех, кто недоволен властью. Мы, говорят, сами себе власть и по-вашему жить, мол, не желаем. А сельчане им потихоньку помогают...

— Вот как... И что же они?

— Озоруют. На прошлой неделе праздник был новый, в сельском совете. Гармонь, песни, пляски — как водится. Так вот одна девица, шибко бойкая, с председателем вызвалась плясать. Она к нему и так и сяк, и он перед ней петухом... Поплясали... А вечером председатель в кармане сюртука записку обнаружил. Мол, привет тебе от Арсения Зорина. До скорого, мол, свиданьица!

— Женщиной переоделся? — не поверила Ася.

— А что ж? Молодые, веселые, кровь кипит, — вздохнул отец Федор. — Наломают дров.

Ася спала в горнице, где, кроме нее, ночевали две дочери священника — пятнадцатилетняя Ариша и двенадцатилетняя Нюся. Они долго шептались, хихикали, мешая Асе уснуть, и когда наконец угомонились, стали мелькать навязчивые образы, которые всегда бывают после долгой однообразной работы. Закроет она глаза, а перед взором мелькают фигуры и лица закобякинских мужиков. Асе казалось, что она

едва заснула, когда шум на улице, выстрелы и пляшущий по стенам свет разбудили ее. Она вскочила и подбежала к окну.

В самой середине улицы пылал факел. В его неровном порывистом свете плясали кони, нороя стряхнуть беспокойных седоков. Узкие изломанные тени заполнили площадь. Они колыхались, вздрагивали, метались. Из домов выбегали люди. Слышались пальба, крики. Кто-то неумело ударил в колокол, тот загудел низко, протяжно.

— Вот они, легки на помине! — сказал отец Федор, глянув в окно.

Где-то вдалеке, за селом, стояло зарево. Горело в соседней деревне. На мгновение огонь ослаб, темнота будто бы сжала его со всех сторон, но ненадолго — вывалился, метнулся в небо.

— Боже святой! — ахнула матушка Галина и схватилась рукой за горло. — Что ж это будет-то?

На фоне далекого зарева хорошо было видно, что творится вблизи — из домов выбегали в исподнем красноармейцы и, не успев сообразить ничего, падали убитые. Всадников было много, казалось, они все прибывают, заполняют собой тесную улицу. Несколько всадников, по-видимому главные, гарцевали вокруг памятника, отдавая распоряжения.

Кони погарцевали и направились в сторону церкви.

— Господи, пронеси! — Матушка перекрестилась на образа.

— Эй, батя, спишь долго! — заорали с улицы.

Отец Федор вздохнул, облачился в рясу и, приказав жене не выходить, поспешил на зов. Ася, сестры Ариша и Нюся и матушка с младенцем на руках приникли к окнам.

— Ну, батя, радуйся! Свергли мы самозванцев-советчиков, вернули свое! — хвастался всадник в военной форме с погонами поручика. — Служи молебен нашему оружию!

— Как так — молебен? — опешил отец Федор. — Побойтесь Бога...

— А что нам его бояться? Мы чужого не брали, мы свое вернули и собираемся защищать. Правду говорю, братки?

Братки ответили дружно и охотно. Боевое настроение не иссякло, требовало продолжения.

— Или ты, может, батя, за Советы? Тогда конечно, тогда мы с тобою по-другому поговорим...

— Я, сын мой, Богу служу, а не властям! — возразил отец Федор. — А Богу смертоубийство не угодно.

— Ты что же, поп, отказываешься правое дело поддержать? — с угрозой в голосе вступил другой всадник, чем-то неуловимо похожий на первого. Отец Федор уже догадался, что перед ним братья Зорины. Он оглянулся на дом и увидел в окнах перепуганные лица своего семейства.

Вздохнул и направился к церкви.

С тяжелым сердцем служил отец Федор этот молебен. Нес вокруг церкви образ Спасителя, шел и спотыкался. Знал, что спотыкается не от тьмы ночной, а от того, что так нехорошо, гадко на душе. Мелкие бледные звезды взирали на него из вечности с грустным немим упреком. Кладбищенские кресты уныло темнели вокруг белой красавицы церкви, четыре столетия простоявшей здесь и видевшей всякое. Но такого, когда свои убивают своих, эти стены, пожалуй, не видели прежде.

К окончанию молебна начало светать. Народ стекался к площади, на которой под полыхающим фа-